

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

1875

81.12.1875

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ПО СРАВНЕН.
ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1875.

ТОМЪ ХІ.

КАЗАНЬ
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ
1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета

За 1875 годъ.

	<i>Стр.</i>
Казанскій Университетъ въ Александровскую эпоху.—I) Попечительство Румовскаго и Салтыкова	3—48. 242—288. 439—488.
Объ изомеріи амиленовъ изъ амильнаго алкоголя броженія. Ф. М. Флавицкаго	49.
Опытъ теоріи страховаго договора. И. И. Степанова	85—136. 484—583. 585—660.
Краткій отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россіи за 1874 годъ. И. Н. Смирнова	137.
Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси. Очеркъ первый. Возникновеніе основъ государственныхъ служебныхъ отношеній вообще и въ частности въ древней Руси. Организація служилаго класса въ періодъ удѣльно-вѣчёмъ. Н. П. Загоскина	151.
Способы нѣкоторыхъ санитарныхъ изслѣдованій. А. Я. Щербакова	206—239. 406—438. 665—731.
Объ опредѣленіи эллиптической орбиты планетъ помощію двухъ данныхъ радіусовъ-векторовъ, угла между ними заключающагося и времени употребленнаго на описаніе этого угла. М. А. Ковальскаго	289.
Способы опредѣленія азотной и азотистой кислотъ (въ разведенныхъ растворахъ) индиго-сѣрной кислотой. Н. И. Котовщикова	313.
Обзоръ уставныхъ грамотъ XIV—XVI-го вв., опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Н. П. Загоскина	346.
Sur le développement de $\sin x$ en série des fonctions exponentielles aux exposants réels. А. Поповъ	661.
О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ. А. У. Фрезе	733.

II

- Психологическія сочиненія Аристотеля. Изслѣдо-
ваніе о душѣ. Переводъ съ греческаго. В. А. Снегирева. 794.
- Оцѣнка способовъ леченія переломовъ бедра. Н. И.
Студенскаго 826.
- Къ вопросу о дѣйствіи мыла при мытьѣ и сравни-
тельная оцѣнка достоинствъ нѣкоторыхъ сортовъ мыла
фабрикуемыхъ въ Россіи. Н. И. Грабовскаго .. . 836.
- Нѣсколько словъ о прологѣ, памятникѣ древне-
русской письменности, и нѣсколько литературныхъ во-
просовъ изъ древнѣйшей эпохи нашего просвѣщенія.
Н. А. Владимірскаго. 851.
- Перечень источниковъ Китайскаго права. А. М.
Осипова. 882.
- О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явле-
ніяхъ. А. И. Смирнова 893.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

- Анско-Русскій Словарь. М. М. Добротвор-
скаго. 1—76. 1—52.

Separately bound

**НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРОЛОГѢ,
ПАМЯТНИКѢ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ,
И НѢСКОЛЬКО ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ИЗЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ
ЭПОХИ НАШЕГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

Исслѣдованіе памятниковъ нашей древней письменной литературы далеко еще не увѣнчано окончаніемъ. Къ числу малоизученныхъ остатковъ нашей словесности древняго періода принадлежитъ и та книга, за которой усвоились не особенно удачное названіе Пролога. Между тѣмъ эта книга, по словамъ одного знатока нашей древней письменности, „всего чаще употребляемая во всемъ греко-русскомъ христіанскомъ мірѣ, содержитъ въ себѣ множество истинныхъ драгоценностей и для духовнаго и для свѣтскаго ученаго, не только въ рукописяхъ, но и въ печатныхъ изданіяхъ“⁽¹⁾. Намѣреваясь со временемъ сдѣлать подробное обзорѣніе всего, довольно значительнаго, количества нашихъ прологовъ, мы имѣемъ честь представить теперь нѣкоторыя соображенія, возбужденныя предварительнымъ знакомствомъ съ этимъ памятникомъ.

Названіе памятника (*προλογος*—предисловіе) не соотвѣтствуетъ его содержанію. Настоящее названіе его—Синаксарь; это названіе родовое (синаксарь—сборникъ), но оно было усвоено въ византійской литературѣ за тѣми сборниками, которые содержали въ себѣ краткія свѣдѣнія о жизни мучениковъ и угодниковъ церкви. Въ началѣ нѣкоторыхъ синаксарей помѣщалось предисловіе, приписываемое

⁽¹⁾ Москвит. 1846 г. ч. VI. стр. 206.

какому-то Константину, митрополиту Мокійскому. Заглавіе этого предисловія „Прологъ“ и было сочтено у насъ за названіе книги; съ этимъ названіемъ она пошла и въ печать (въ 1642 г.).—Употребленіе синаксаря въ византійской литературѣ восходитъ до глубокой древности, но время составленія и авторъ этого сборника неизвѣстны. И. И. Срезневскій указываетъ на предисловіе Бѣлградскаго пролога, въ спискѣ XIV столѣтія, въ которомъ Константинъ, митрополитъ Мокійскій, названъ сочинителемъ статей синаксаря; хронологическая основа нѣкоторыхъ статей этого пролога опредѣляетъ время жизни Константина—конецъ IX вѣка—и слѣдовательно эпоху составленія сборника⁽¹⁾. Но въ предисловіяхъ другихъ прологовъ, какъ напр. Погодинскаго, XIV вѣка, по которому это предисловіе напечатано Ундольскимъ въ его библиографическихъ розысканіяхъ, Норовскаго, XIII вѣка, описаннаго Востоковымъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1836 г., Константинъ является только сочинителемъ предисловія, а составленіе синаксаря приписывается какому-то Илиі. Но если вопросъ о времени и личности составителя синаксаря крайне теменъ, то можно угадать тотъ ходъ, какимъ шло образованіе нашего сборника. Можно полагать, что основу синаксарямъ положили тѣ записки о страданіяхъ святыхъ мучениковъ, какія безъ сомнѣнія велись христіанами. Съ теченіемъ времени къ первоначальному сборнику этихъ записокъ начали прибавляться краткія житія святыхъ отцовъ и подвижниковъ церкви. Позже стали вносить поученія и повѣсти. Такой ходъ составленія синаксарей явствуетъ прежде всего изъ самаго анализа ихъ содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ въ нихъ такое количество именъ и свѣдѣній о христіанскихъ мученикахъ, которое рѣшительно нельзя было составить какому нибудь автору синаксаря, если онъ не имѣлъ подъ руками готоваго сборника ихъ страданій. Возмите какой угодно рядъ дней изъ синаксаря и вы найдете, что количество свѣдѣній о мученикахъ всегда превышаетъ число свѣдѣній о другихъ святыхъ церкви⁽²⁾. Что касается до третьей составной ча-

⁽¹⁾ Свѣд. и Зам. о неизв. и маловѣз. пам., 1, стр. 12.

⁽²⁾ Такъ напр.: 10 октября. Страсть святаго мученика Еоуламвіа и Еоуламвіи сестру его, страсть святаго мученика Феотекта, преподоб-

сти синаксаря—поучений и повѣстей—то относительно ея позднѣйшаго внесенія можетъ служить нѣкоторымъ свидѣтельствомъ минологій Василия Македонина (изд. Албани въ 1727 г.): онъ написанъ въ X вѣкѣ и не имѣетъ этой части. Замѣчательно, что и изъ русскихъ прологовъ древнѣйшіе заключаютъ въ себѣ самое незначительное количество поучений и повѣстей. Таковъ, напр., прологъ 1262 г., въ которомъ всего шесть статей поучительнаго характера ⁽¹⁾.

Относительно точнаго опредѣленія времени, когда сдѣлались извѣстны въ нашей письменности синаксари, мы не имѣемъ данныхъ. Древнѣйшій, кажется, изъ до сихъ поръ извѣстныхъ прологовъ принадлежитъ къ началу XIII вѣка (въ 1262 году) ⁽²⁾. Но весьма вѣроятно, что прологи были у насъ извѣстны съ первыхъ столѣтій нашего христіанскаго просвѣщенія. Такъ напр. препод. Несторъ въ своей лѣтописи говоритъ, что „почитая пророческыя бесѣды и евангельская ученія и апостольская, *житія святыхъ отецъ*, въспріемлетъ душа велику пользу“ ⁽³⁾. Но еще важнѣе нѣкоторые указанія въ извѣстныхъ повѣстяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемыхъ ему и Іакову Черноризцу. Въ повѣсти

наго отца нашего Васильона, память преподобнаго отца нашего Якова постника; 11 октября. Память святаго апостола Филиппа дьякона, память преподобныя Зинаиды и Филонины сестры ея; 12 октября Святыхъ мученикъ Прова Тарха и Андроника, память святаго отца нашего Мартына милостиваго, епископа бывшаго въ константиинѣ градѣ, страсть святыхъ мученицы Анастаси, страсть святыхъ мученицы Доминики; 13 октября. Страсть святыхъ мученикъ Карпа и Папылы и Агафодора и Агафоника, святаго мученика Флорентія; 14 октября. Святыхъ мученикъ Назарья, Гervasья, Протасья, Келеска; 15 октября. Святаго мученика Лукьяна прозвутера, преподобнаго Савина епископа и т. д.—5 февраля страсть святыхъ мученицы Агафѣи, святаго священномученика Аврамы епископа, память преподобнаго отца нашего Подуекта епископа константиинѣ града; 6 февраля. Память преподобнаго отца нашего Оукула замюрска, святыхъ мученица Фаоусты, іже снемъ Оуласья и Максима, мучение святыхъ Марфы и Мары, сестреницъ, и Оукарна черноризца и т. д. (Изъ Пролога Моск. Синод. Библ. № 248).

⁽²⁾ См. опис. рук. библ. Хлудова стр. 375.

⁽¹⁾ Срезневск. Древ. памят. русск. письма и языка, Изв. 2. отд. Ак. в. 10, стр. 12.

⁽³⁾ Полное Собр. Лѣт. 1, стр. 66.

последняго писателя говорится о св. Борисѣ, что онъ „помышляшесть мучение и страсть святого Никиты и святого Вячеслава и како святѣи Варьварѣ отецъ свои оубища бысть“^(*) Равнымъ образомъ въ повѣсти Нестора слѣдующими словами описываются занятія св. Бориса: „взимаше бо книги и чташе, быше бо и грамотѣ наоученъ, чташе же житія и мученія святыхъ“^(*). Но конечно, все это одни только намеки.—Нечего говорить, какъ было бы выгодно для науки, если бы у насъ сохранились, положимъ, прологи XI или XII столѣтій. Тогда прямо можно было бы приступить къ изслѣдованію отношенія нашего памятника письменности къ литературнымъ произведеніямъ этой эпохи. Тогда бы могъ, напр., получить положительное объясненіе тотъ небольшой вопросъ, о которомъ теперь возможны, и дѣйствительно существуютъ, два противоположныхъ мнѣнія⁽¹⁾. Но на нѣтъ и суда нѣтъ. Впрочемъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что и позднѣйшіе списки прологовъ могутъ оказать намъ важную услугу для объясненія нѣкоторыхъ литературныхъ фактовъ древнѣйшей эпохи нашего просвѣщенія. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ услугъ, оказываемая прологами при опредѣленіи свѣдѣній нашего лѣтописца Нестора.

Разсказывая въ своей лѣтописи, подъ 6579 годомъ, исторію Бѣлозерскихъ волхвовъ, Несторъ замѣчаетъ при этомъ, что бѣсы прельщаютъ не только женщинъ, но и мужчинъ. „И мужи, говоритъ онъ, прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи; яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшествомъ псомъ глаголати человѣчскы, и самъ премѣнашеться, ово старъ, ово

(*) Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. ак. Срезневскимъ, стр. 48.

(*) Ibid. стр. 7.

(1) Преосв. Макарій полагаетъ, что проложная статья: «притча о тѣлѣ человѣчествѣ, и о души, и о воскресеніи мертвыхъ», помѣщаемая въ прологахъ обыкновенно подъ 28 сентября, есть сокращеніе притчи Кирилла Туровскаго о слѣпцѣ и хромцѣ изъ его слова о человѣчской душѣ и о тѣлѣ и о воскресеніи мертвыхъ (Ист. р. ц. т. 3, стр. 118), а М. И. Сухомлиновъ думаетъ наоборотъ, что Кириллъ заимствовалъ свою притчу изъ Пролога. (Рук. гр. Уварова, т. 2 стр. XLVI). Впрочемъ преосвящ. Макарій не отказывается и отъ послѣдняго предположенія (Ист. рус. ц. т. 3. прим. 230, стр. 308).

молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаніи сице творяше" (*). Это свидѣніе Нестора о волшебствахъ Симона волхва указываетъ на апокрифическій источникъ. Дѣйствительно, въ апокрифической литературѣ мы находимъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ является Симонъ волхвъ съ его волшебствами. Это апокрифы, относящіеся до жизни первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла: первая книга изъ апостольской исторіи Абдія, *Acta apostolorum Petri et Pavli* и *de conflictu Petri cum Simone**, споръ Петра съ Симономъ, описанный будто бы Марцелломъ, сыномъ Марка, римскаго префекта, изъ учениковъ Симона сдѣлавшимся ученикомъ Петра апостола (†). Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности видѣть текстъ этого послѣдняго апокрифа, напечатанный по указанію Migne у Фабриція во второмъ томѣ его *Codex'a apocryph. novi testamenti* на стр. 632—653 (*). Что же касается до первой книги *apostolicae historiae* Абдія и актовъ Петра и Павла, то свидѣнія о нихъ и знакомство съ ихъ текстомъ мы получили у Фабриція въ 1-мъ томѣ его *Codex'a* и у Migne въ его *Dictionnaire des apocryphes* t. 1 и 2. Оказывается, что эти два апокрифа не имѣютъ близкаго отношенія къ свидѣніямъ Нестора о волшебствахъ Симона, потому что въ нихъ ничего не говорится о волхованіи послѣдняго—„исомъ глаголати челоувѣчскы“. Что же касается до чаръ Симона относительно его метаморфозъ и превращеній—„и самъ премѣняшеться, ово старъ, ово молодъ, оволи и иного премѣняше во иного образъ“,—то этому соответствуетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ Абдіевой исторіи: *Vultum meum commuto, ut non cognoscar. Sed et duas facies habere me possum hominibus ostendere, ut ovis, ut capra efficiar, puer parvus, barbam producatam* (†). Изъ Актовъ Петра и Павла: *Et Simon étant en présence de l'empereur, commença à changer de figure, de sorte qu'il parut d'abord un enfant, et ensuite un vieillard, et après un adolescent. Il changloit de sexe et d'âge, et, par*

(*) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 4, стр. 77.

(†) См. Fabricii, *Codex apocryph. novi testamenti*, t. 1. стр. 780.

(*) Migne. *Dictionnaire des apocryphes*, t. 1. стр. LIX.

(*) Fabricii, *Codex apocryph. novi test.* t. 1. стр. 418.

ministère du diable, il prenait beaucoup de figures diverses (*). Быть можетъ въ текстѣ апокрифа „de conflictu Petri cum Simone“ мы нашли бы свѣдѣнія и о говорящемъ псѣ, но этого апокрифа, какъ было замѣчено, мы не могли видѣть. Впрочемъ Migne замѣчаетъ, что послѣднія двѣ части актовъ Петра и Павла, заключающія въ себѣ описаніе спора Петра и Павла съ Симономъ и ихъ мученической кончины, — въ первой части актовъ рассказывается о путешествіи Павла въ Римъ —, и напечатанныя въ его dictionnaire'ѣ, сходны съ книгой псевдо-Марцелла, т. е. съ упомянутымъ сейчасть апокрифомъ de conflictu Petri cum Simone ('). Откладывая пока въ сторону рѣшеніе вопроса объ отношеніи этого апокрифа къ нашему Нестору, мы позволяемъ себѣ теперь только указать на слѣдующую статью подъ 21 іюня изъ мартовскаго пролога здѣшней соловецкой бібліотеки (№ 811).

Въ тѣи же день слово прѣнія Петрова съ Симономъ волхвомъ.

Пришедшу оубо святому апостолу Петру отъ антиохіа вримъ. И обита близъ торгу оу климента нѣкоего корабленика. И оучаше слову Божію приходящаа к нему. И възвѣстиша ему яко Симонъ нѣкто есть здѣ отъ египта пришелъ и нарицаеть себе Христа. Творить же чюдеса многа. И царь тиверіи всласть послушаетъ его. И ражеся Петръ святымъ духомъ. И приде къ дому и деже бѣ Симонъ. И мнози обрѣте стояща у вратъ. И ти възбраниша ему внити, рече же Петръ воскую (sic) браните ми внити къ лъстивому волхву. Они же рѣша не волхвъ но Богъ силенъ, и тѣи постави стража оу вратъ вѣдуща помышленія человѣчска. И показа ему черна пса въ вратахъ лежаща. И рѣша сѣи псѣ умерщвуетъ (sic) о Симонѣ неправду помышляющихъ. Рече же Петръ азъ правая о немъ глаголю яко отъ бѣса есть Симонъ. И приступъ рече псу. Иди къ Симону и рци ему Петръ апостолъ Христовъ хочетъ к тебѣ внити. И пришедъ псѣи человѣчскимъ гласомъ рече аже повелѣи ему Петръ къ Симону. И ужасеся весь народъ иже о Симонѣ. Симонъ же пакы посла пса рекъ, да внидетъ сѣмо. И вѣшедшу Петру нача Симонъ творити мечты предъ народомъ

(*) Migne, Dictionnaire des apocryphes, t. II. стр. 719.

(') Migne, ibid. стр. 694.

при Петръ. Петръ же силою Христовою болша показа чюдеса. и възвѣстиша о немъ тиверію царю. и повелѣ я привести ксебѣ. въпроси же царь Симона ты ли еси Христосъ. Симонъ же рече азъ есмь Христосъ. Петръ же рече ни. но азъ ученикъ Христовъ есмь. и предъ нами распятъ бысть въ іерусалимѣ пилатомъ. и въ третій день възнесеся на небеса. и повелѣ царь призвати пилата. И рече се ли еси Христосъ его же ты и сперва неправдою осуди на распятіе. И рече пилатъ не сѣи царю. Христосъ бѣ смагль липемъ и добръ брадою. очинѣи свѣтль. а сей мужъ голоусть чернъ вельми. стищенъ бровьма. звѣрьль очима и мною. яко ложь еси. И показавъ на Петра и рече. А сего видѣлъ ли еси съ Христомъ яко ученикъ его творится. И рече пилатъ сего оубо знаю яко привелоша его предъ мя и отвержеся Христа яко рече незнаю его и повелѣ царь оба изринуть исполаты Симона яко солгавша. Петра же яко отвергъшася. И бысть между има пря велика и повелѣ епарху судити. Симонъ рече повели да мя оусѣннууть. И воскресну третій день. И постави въ въ мечты овенъ. и оусѣкнуша овну главу. Петръ же обличил его. Посемъ повелѣ симону (sic. см. Симонъ) поставити столпъ. Да на нѣмъ вшедъ възнесется на небеса и пакы сидеть тому же бывшю. възлѣзъ Симонъ и взятъ бысть бѣсы и несахуть и на въздухъ. Петръ же запряти бѣсомъ и повергше Симона бѣжаша. И низъ падъ Симонъ скрушися на четыре части. И тако сконча океанныи свой животъ. Петрови же мнозѣ вѣроваша отъ римлянъ. И крестиса во имя Отца и Сына и Святаго Духа ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Намъ неизвѣстно, помѣщена ли статья въ печатныхъ прологахъ. Прологъ же Соловецкой библіотеки, изъ котораго мы взяли эту статью, писанъ въ XVII столѣтіи уставомъ въ два столбца, in f. Подлинникъ его очевидно былъ довольно древень, по крайней мѣрѣ конца XIV вѣка. Этого нельзя не замѣтить изъ языка и правописанія статьи, сохранившихъ на себѣ видныя слѣды древности. Вариантовъ этой статьи мы подъ руками не имѣли, востому не могли отмѣтить разнорѣчія въ ея чтеніи. Впрочемъ мы встрѣтили эту статью въ одномъ сборникѣ Соловецкой библіотеки (№ 937), но здѣсь она очевидно заимствована изъ прологовъ и потому представляетъ разнорѣчія крайне незначительныя.

Эта статья, безъ сомнѣнія, есть сокращенное изложене какого нибудь болѣе обширнаго апокрифа. Заглавіе ея намекаетъ на книгу псевдо-Марцелла *de confictu*, но въ какомъ отношеніи наша статья находится къ этому апокрифу, мы судить не можемъ. Въ исторіи же Абдія и въ актахъ апостоловъ нѣтъ ни эпизода со псомъ, ни призыва Пилата, да и самый императоръ называется Нерономъ, а не Тиверіемъ. Если же, какъ было замѣчено, вторая половина актовъ Петра и Павла сходна съ псевдо-марцелловымъ прѣніемъ Петра съ Симономъ, то слѣдовательно наша проложная статья есть аббревиатура апокрифа какой нибудь особой редакціи, греческій текстъ которой не дошелъ до насъ или еще не отысканъ. Въ этомъ случаѣ передъ нами повтореніе того же обстоятельства, которое было замѣчено г. Пыпинымъ относительно литературной исторіи нѣкоторыхъ повѣстей, т. е. что славянскій текстъ сохранилъ намъ текстъ особой редакціи (¹).—Сравнивая теперь цитованныя выше слова лѣтописи о Симонѣ волхвѣ съ нашей проложною статьею, нельзя не видѣть, что Нестору было извѣстно апокрифическое прѣніе Петра съ Симономъ именно въ той редакціи, въ какой этотъ апокрифъ находится въ нашихъ прологахъ. Такимъ образомъ, не имѣя возможности, въ силу своей краткости, занять мѣсто прямого источника свѣдѣній нашего лѣтописца о волшебствахъ Симона, такъ какъ изъ словъ Нестора можно заключать, что апокрифъ былъ ему извѣстенъ въ болѣе распространенномъ изложеніи (²), наша статья, тѣмъ не менѣе, достаточно объясняетъ одинъ изъ литературныхъ вопросовъ лѣтописи. Она является примиряющей посредницей между фактомъ знакомства Нестора съ апокрифической литературой Византіи и несогласіемъ его свѣдѣній съ содержаніемъ извѣстныхъ произведеній послѣдней о спорѣ Петра съ Симономъ.—Коснувшись знакомства Нестора

(²) См. Очеркъ литер. истор. стар. нов. и сказ. русскихъ, Уч. Зап. 2 отд. кн. 4. стр. 23 и 42.

(¹) Такъ, напр., словаъ Нестора: «самъ прѣмѣняеться, ово старъ, ово молодъ. ово ли и много прѣмѣнише во много образа», съ которыми мы внесли выше цитаты изъ апостольской исторіи и актовъ Петра и Павла, соответствуетъ въ нашей статьѣ только замѣтка: «нача Симоны творити мечты предъ народомъ при Петрѣ».

съ апокрифической литературой, позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться вообще на вопросѣ объ апокрифическомъ чтеніи нашей древней эпохи.

Извѣстно, что объемъ литературныхъ свѣдѣній данной эпохи можетъ опредѣляться не только количествомъ ея памятниковъ письменности, но и указаніями въ самыхъ памятникахъ на знакомство ихъ авторовъ съ разными сочиненіями своей или иностранной литературы. Хотя нѣкоторыя главнѣйшія произведенія эпохи нашего древняго просвѣщенія, какъ напр. лѣтопись Нестора, Слова Кирила Туровскаго, и разобраны въ этомъ отношеніи довольно подробно, тѣмъ не менѣе какъ въ нихъ, такъ вообще и въ другихъ памятникахъ этой эпохи, никѣмъ еще, сколько намъ извѣстно, не указаны слѣды знакомства ихъ авторовъ съ апокрифической литературой. Упускать же изъ вниманія слѣды этого знакомства—значить терять изъ виду важный литературный фактъ. Специальное изслѣдованіе, безъ сомнѣнія, сообщило бы много данныхъ, относящихся до этого факта, но для насъ достаточно ограничиться лишь нѣсколькими указаніями.

У того же Нестора, вслѣдъ за приведенной выше цитатой о Симонѣ волхвѣ, говорится: „Анни и Мамврій волшвенемъ чюдеса творашеть противу Моисіюви, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіюви“. Библия ничего не говоритъ намъ объ именахъ Фараоновыхъ волхвовъ, слѣдовательно источникъ этого свѣдѣнія у Нестора опять апокрифическій. Положимъ, что источникомъ въ этомъ случаѣ для него могла быть Палей, но вотъ что мы читаемъ въ Никодимовомъ евангеліи: *καὶ ἦσαν ἐκεῖ ὄνδρες θεράποντες τῷ Φαραῶ, Ἰαννῆς καὶ Γαμβρῆς, καὶ ἐποίησαν αὐτοὶ σημεῖα οὐκ ὀμνῶν, ἃ ἐποίησεν ὁ Μωϋσῆς, καὶ εἶχον αὐτοὺς οἱ Αἰγύπτιοι ἀπὸ θεοῦ, Ἰαννῆν καὶ Γαμβρῆν* (*). Участіе Никодимова евангелія въ свѣдѣніи Нестора мы предполагаемъ тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣды знакомства съ этимъ апокрифомъ, по нашему мнѣнію, видны у автора, писавшаго раньше Нестора. Въ извѣстномъ словѣ Иларіона „о Законѣ и Благодати“ есть слѣдующее мѣсто: „Си же сътворшеи Ему претѣкнушася, акы о камень, и съкрушися, яко же Господь глаголаше: падый на камени семъ

(*) Thilo, Codex Aporicrph. ч. 1. стр. 553—554.

сѣкрушится, а на немъ же падеть, сѣкрушить и. Прииде бо къ нимъ, исполняя пророчества прореченная о Немъ, яко же и глаголаше: нѣсмь посланъ, токмо къ овцамъ погнѣшимъ дому Израилеву; и паки; не придохъ разорить закона, но исполнити. И къ хананей иноязычницы, просящей исцѣленія дщери своей, глаголаше: нѣсть добро отяти хлѣба отъ чядъ, и поврещи псомъ. Они же нарекоша ѿ льстеца, и отъ блуда рождена, и о вельзаулѣ бѣса изгоняща⁽¹⁾. Выраженіе „отъ блуда рождена“ опять не встрѣчается въ числѣ тѣхъ хулъ, какія возводили іудеи на Іисуса Христа. Прот. Горскій въ примѣчаніи къ этому выраженію говоритъ, что „здѣсь, вѣроятно, разумѣются хулы, которыя были разсѣваемы іудеями еще во 2-мъ столѣтіи, какъ видно изъ словъ Цельса и, писавшаго противъ Цельса, Оригена“⁽²⁾. Если Иларіонъ зналъ объ этой хулѣ іудеевъ изъ сочиненія Цельса или Оригена, то, конечно, это тѣмъ лучше для нашего митрополита XI вѣка. Но не прощали предположить, что здѣсь сказалось вліяніе именно Никодимова Евангелія, въ которомъ іудеи, жесвидѣтельствующіе на Христа у Пилата, говорятъ между прочимъ и слѣдующее: *Τὸ ἡμεῖς ἁφ' ὧν; πρὸς τοὺς ἐκ πορνείας γενέσθαι*⁽³⁾. Позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно указаніе. Въ хожденіи игумена Даниїла, въ главѣ о Назаретѣ, мы читаемъ слѣдующее: „И изыдохомъ изъ города того, и пойдомъ мало на лѣтній востокъ лицъ, и обрѣтохомъ ту кладязь глубокъ и студентъ зѣло. Слѣсти же къ водѣ его по степенемъ глубоко; надъ кладяземъ тѣмъ создана церковь во имя архангела Гавріила круга образомъ. И есть отъ града Назарета яко дострѣлить добрѣ стрѣлецъ до кладязя того святаго; у того бо кладязя первое бысть благовѣщеніе святѣй Богородицѣ отъ Архангела, пришедше бо ей по воду, яко почерпе водоносы свои, и возгласи ей Ангелъ невидимо, рече: Радуйся обрадованная Марія, Господь съ тобою! И обозрѣвъ же Марія сюду и сюду, яко не видѣ никого же, токмо гласъ слышаше. И взяше водоносы свои, идяше дивящесь, въ умѣ своемъ рекуще: „что ей будетъ, гласъ сей

(1) Прибавл. къ тв. св. от. ч. II. стр. 232—233.

(2) Ibid. стр. 290.

(3) Thilo, Codex Ap. ч. I. стр. 526.

слышахъ, а ни кого же не видѣхъ?" И пришедше въ Назаретъ въ домъ свой, постави водѣносъ свои, сѣде на прежъ реченномъ мѣстѣ, и нача скати (sic) бокинъ; и тогда явился ей Ангелъ и благовѣсти Рождество Христово ⁽¹⁾. Конечно, эту легенду о первоначальномъ благовѣщеніи близъ колодца нашъ паломникъ могъ слышать и на мѣстѣ своего путешествія, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если и апокрифъ, вмѣстѣ съ слышаннымъ разсказомъ, участвовалъ въ занесеніи этого свѣдѣнія на страницы сочиненія Даниїла. Вотъ что можно прочесть въ такъ называемомъ протоевангеліи Іакова: *Μαριὰμ δὲ λαβοῦσα τὸ κόκκινον ἔκλασεν. — Καὶ λαβοῦσα κάλπην ἐξῆλθε δὲ γεμίσαι ὕδωρ. καὶ ἰδοὺ φωνὴ λέγουσα. χαῖρε κεχαρισμένη. ὁ κύριος μετὰ σου. εὐλογημένη σύ ἐν γυναιξίν. Καὶ περιβλέπεται δεξιά καὶ αριστερά, πόθεν αὐτῇ ἡ φωνὴ ὑπάρχει. Καὶ ἐντρομος γενομένη σπῆλθεν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς. καὶ ἀναπαύσασα τὴν κάλπην, ἔλαβε πάλιν τὴν πορφύραν, καὶ ἐκάθισεν ἐπὶ τὸν θρόνον καὶ εἶλεν αὐτήν. Καὶ ἰδοὺ ἄγγελος κυρίου ἐπέστη λέγων αὐτῇ. Μὴ φόβου и т. д. ⁽²⁾. Сходство между обѣими цитатами весьма близкое. У Паломника даже оставлено безъ перевода слово «κόκκινον», которое мы видимъ въ греческомъ текстѣ. Въ добавленіе ко всѣмъ этимъ, впрочемъ незначительнымъ, даннымъ относительно апокрифическаго чтенія древней эпохи кстати будетъ замѣтить, что нисколько не странно, если указанными апокрифами пользовались такіе просвѣщенные представители церкви, какъ Несторъ или Иларіонъ. Дѣло въ томъ, что эти апокрифы никогда не ставились нашей церковью наравнѣ съ ложными и богоотметными книгами. Въ самомъ дѣлѣ, ни протоевангелія Іакова, ни Никодимова евангелія, ни прѣнія Петра съ Симономъ мы не находимъ ни въ одномъ нашемъ индексѣ запрещенныхъ книгъ ⁽³⁾. Очевидно эти апокрифы принадлежали къ разряду тѣхъ книгъ, которые хотя и не вошли въ канонъ, но были приняты многими въ христіанской церкви. Но вернемся къ прологамъ.*

⁽¹⁾ Сказ. Русс. Нар. Сахарова, т. 2. кн. 8. стр. 32.

⁽²⁾ Thilo, Codex Arosc. ч. 1. стр. 214—216.

⁽³⁾ См. статью Пыпина въ Мѣт. занят. археогр. комм. в. 1. стр. 1—55. Также перечень запрещенныхъ книгъ при 1 томѣ Памят. Русск. отреч. литер. изд. Тихонравовымъ.

Первый актъ знакомства съ памятникомъ извѣстнаго разряда заключается обыкновенно въ опредѣленіи числа тѣхъ редакцій, какія ему пришлось вытерпѣть. Но такъ какъ мы не дѣлали полнаго обзорѣнія прологовъ, то слѣдовательно и о редакціяхъ этого памятника не можемъ сдѣлать никакого заключенія. Поэтому мы обращаемъ теперь вниманіе пока только на присутствіе русскаго элемента въ тѣхъ прологахъ, какіе были у насъ подъ руками. Намъ извѣстны слѣдующіе прологи сентябрьской половины: а) Прологъ московской синодальной бібліотеки № 248, положенный въ церковь Бориса и Глѣба какимъ-то Феодотомъ Прусановымъ, писанный же маломощнымъ дьякономъ Іаковомъ, на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, уставомъ конца XIV вѣка. б) Прологъ Императорской публичной бібліотеки изъ древлехранилища Погодина, пергаментный, въ листъ, въ два столбца, уставъ предъидущей даты. Затѣмъ прологи Соловецкой бібліотеки: в) Прологъ № 810, уставное письмо XVII вѣка въ два столбца, въ листъ, писанъ съ пролога довольно древняго, судя по нѣкоторымъ чертамъ языка и правописанія. Онъ относится къ упомянутому раньше прологу той же бібліотеки (№ 811) какъ первая часть полнаго экземпляра. Наконецъ д) Прологъ № 812, писанный въ 1631 году въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ по порученію келаря этой Лавры Александра Булатникова для Соловецкаго монастыря, бывшаго мѣстомъ его постриженія, — богато украшенная книга въ листъ уставнаго письма въ одинъ столбецъ. — Разница въ содержаніи между этими прологами замѣчается преимущественно относительно прологовъ Булатникова и всѣхъ прочихъ; между харатейными прологами Синодальнымъ и Погодинскимъ различіе небольшое, а прологъ Соловецкой бібліотеки № 810 вполне схожъ съ послѣднимъ синаксаремъ. Опредѣляя количество русскаго элемента въ этихъ четырехъ прологахъ, мы нашли, что статей, относящихся до русскаго государства, и, слѣдовательно, безспорно русскаго происхожденія, въ нихъ только четыре, — за исключеніемъ пролога Булатникова, въ которомъ ихъ только двѣ —, и что всѣ онѣ нисколько не разнятся по своему содержанію. Эти статьи слѣдующія. Подъ 5-мъ сентября — оубиение святаго Глѣба князя русскаго; подъ 20-мъ сентября — оубиение новоявленною мученику Михаила князя черниговскаго и Феодора боярина его; подъ 26-мъ ноября — Священіе церкви

святаго мученика Георгія иже въ Киевѣ предъ враты св. Софѣя; подъ 30-мъ ноября—проявление крещения русскія земля святаго апостола Андрѣя како приходилъ въ Русь и благословилъ мѣсто и крестъ поставилъ идеже нынѣ градъ Киевъ. Въ прологѣ Булатникова нѣтъ второй и третьей статьи. Нѣкоторые изъ этихъ статей указаны въ прологахъ Рум. музея и библіотеки Хлудова⁽¹⁾. Присутствіе этихъ статей въ разныхъ спискахъ прологовъ очевидно указываетъ на весьма раннее внесеніе ихъ въ наши синаксари. Но вопросъ, почему статьи, касающіяся русскаго государства, являются въ нашихъ прологахъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что подтверждается и однимъ наблюденіемъ надъ прологами И. И. Срезневскаго⁽²⁾, этотъ вопросъ требуетъ для своего рѣшенія опять таки знакомства со всѣми списками нашихъ прологовъ: его рѣшеніе заключается, вѣроятно, въ опредѣленіи характера ихъ редакцій. За то мы теперь же можемъ показать отношеніе нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ статей къ тѣмъ сочиненіямъ древней эпохи, которыя сообщаютъ тѣ же самыя свѣдѣнія въ болѣе распространенномъ изложеніи. Выбираемъ статью объ убійствѣ св. Глѣба, потому что изслѣдованіе ея въ подобномъ направленіи связывается съ однимъ важнымъ литературнымъ вопросомъ. Всѣ прочія оставляемъ въ сторонѣ.

Трагическая судьба Бориса и Глѣба произвела глубокое впечатлѣніе на душу русскаго народа. Орелъ святости осѣнилъ память мучениковъ тотчасъ вслѣдъ за ихъ смертію. Имена ихъ сдѣлались любимыми народными именами. Какъ извѣстно, исторія смерти св. братьевъ составила предметъ сочиненій двухъ писателей XI вѣка, изъ которыхъ одинъ, отождествляется обыкновенно съ отцемъ нашей лѣтописи, а другой называется Іаковомъ Черпорицемъ. Замѣчательно, что и въ прологахъ статья объ убіеніи Глѣба являлась въ двухъ редакціяхъ. Вотъ параллельный текстъ той и другой редакціи.

Оубьеніе святаго Глѣба		Оубиеніе святаго князя
князя русскаго сынъ Володи-		Глѣба, сына Володимира.

⁽¹⁾ См. Опис. рукоп. Рум. музея, № СССХХ, стр. 454 и опис. рук. библи. Хлудова № 187 и 189, стр. 374 и 378.

⁽²⁾ Древ. пам. русск. письма и языка, Изв. 10, стр. 303.

мера его же оуби свои братъ Святѡполѣъ пославъ оубици преже бо послалъ съ лестью къ Мурому глаголя зоветь ти отецъ. оуже ти есть ему днѣ скончались бѣ бо Бориса брата оубилъ на Глѣба готоваше оубьеніе, мысляше бо братью свою оубию и одинъ прииму княжение ему же конецъ бысть и вѣчная мука, яко же рече пророкъ оувязе грѣшникъ въ сѣти своей, Глѣбови оубо ѣдущи (sic) яко бывшю ему оу града Смоленска на смядинѣ и приспѣша оканънии оубици не милостивии звѣрье, душу изимающе безъ милости. послани оканънымъ Святѡполкомъ Глѣбъ же святѣи цѣлованъя чаяше отъ нихъ, а они оружье готоваше нанъи въскакаше въ насадъ и яша святаго поваръ же святаго Глѣба именемъ Торчинъ закла господина своего мѣсяца сентября въ 5 день и повергоша и на пустѣ мѣстѣ но Господь Богъ не остави своего раба якоже преже первомученика Стефана прослави и овогда видяху столпъ огненъ и свѣща горяща овогда пѣнне ангельское възвѣстиша въ градъ о святомъ и взяше тѣло святаго дондеже ярославъ побѣди Святѡполка и принесе вышегороду Глѣба.

Прологъ Моск. Син. библи. № 248. (Такъ же точно и по прологу Имп. публ. библи. и по Соловецкому № 810).

Тъ святѣи Глѣбъ бысть сынъ благочестиваго Володимира иже всю землю роусскую святымъ крещеніемъ просвѣти. и преставися Кыевъ. и положенъ бысть въ церкви святѣи Богородице. юже самъ созда. сѣдшю на столѣ сыноу его злочестивому Святѡполкоу Кыевъ, и начыньшю избивати братію свою. оуби пославъ Бориса на алтѣ и положиша е вышегородѣ. Глѣбъ же сѣдѣше Моуромѣ. и поиде в роусъ хотя видѣти братю паче же бориса. и оусрѣтоша и смоленскѣ отъ святѡполка послании моужи крѣвопивци, и зарѣзаша ѣ агня нероцню (sic) мѣсяца сентября въ 5 день, и повергоша тѣло его святое въ глѣсѣ. божественнымъ же проявленіемъ оувѣдѣно бысть братмъ его ярославомъ о немъ. и пославъ чествоу принесе и положиша ѣ вышегородѣ оу брата своего Бориса. истачающа цѣлѣбныя дары. всемъ вѣроу притекающимъ къ нима.

Опис. рук. библи. Хлудова, изъ пролога 1262 г., стр. 375⁽¹⁾.

(¹) Въ силу нѣкоторыхъ типографскихъ условій мы должны были отказать отъ полной передачи правописанія всѣхъ цитруемыхъ нами древне-славянскихъ статей.

Сличая обѣ эти статьи съ двумя извѣстными сказаніями Сильвестровскаго сборника о Борисѣ и Глѣбѣ, мы должны убѣдиться, что онѣ представляютъ экстрактъ изъ сказанія Іакова Черноризца. Это видно изъ того, что обѣ онѣ составлены преимущественно изъ тѣхъ фразъ, какія находятся только въ сочиненіи Іакова, но ни въ сказаніи Нестора, ни въ его лѣтописномъ изложеніи повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ. Для доказательства дѣлаемъ слѣдующія выписки изъ сказанія Іакова: „Сиче оубо бысть малымъ преже сихъ лѣтомъ. сущю самодержцю Русьскыя земля Волидимеру сыну Святославию. внуку же Игореву. иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю Рускую.—И си на оумѣ си положи въ злыи свѣтникъ дияволъ. посла по блаженнаго Глѣба. рекъ. Приди въ борзѣ. отецъ зоветъ тя. и не здравъ велми. И яко приде (Глѣбъ) къ Смоленску—и ста на смядинѣ—приспѣша внезапно посланнии отъ Святополка злыи его слугы. немилостивыи кровопийцы. братоненавидци люті зѣло. свирѣпу звѣри душу имуще. Святый же поиде въ корабльци. и срѣтоша и оустъ смядины. Яко оузрѣвъ възрадовася душею. они же оузрѣвъше омрачахуся и гребяхуся къ нему. а съ цѣлованія отъ нихъ чаяше прияти. И яко быша равно плывуще. начаша скавати злий они въ лодку его. обнажены мечи имуща. въ рукахъ блестящася акы вода.—Поваръ же Глѣбовъ именемъ Торчинъ. иземъ ножъ и закла блаженнаго. акы агня безлобиво. мѣсяца септября въ 5 въ день понѣдѣльникъ.—Оубьену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ. и Господь всегда не оставляетъ своихъ рабъ. якоже рече Давидъ. Сохранитъ Господь вся кости ихъ и не единая отъ нихъ не съкрушится. И сему оубо святому лежащю долго время. не остави въ невѣдении и небрежении отинуудъ пребыти нъ показа овогда же свѣща горяща. и пакы пѣнныи ангельскыи слышаху ⁽¹⁾“.—Что касается до сказанія Нестора, то не говоря уже о томъ, что въ немъ разсказъ объ убійствѣ св. Глѣба передается совсѣмъ въ другихъ выраженіяхъ, оно не могло быть источникомъ проложныхъ статей и потому, что Глѣбъ является въ немъ не изъ Муромъ ѣдущимъ въ Кіевъ, а наоборотъ—изъ Кіева бѣгущимъ въ полу-

(1) Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ. изд. Срезневск. стр. 41, 34, 35, 56, 58, 59 и 60.

ночныя страны. Въ лѣтописи же, гдѣ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ въ цѣломъ представляетъ выдержку изъ того же сказанія Іакова, въ разсказѣ объ убійствѣ Глѣба нѣтъ тѣхъ выраженій, какія мы встрѣчаемъ въ проложныхъ статьяхъ.

Итакъ близкое и непосредственное отношеніе нашихъ статей къ сказанію Іакова не подлежитъ сомнѣнію.

Если мы остановимъ свое вниманіе на этомъ фактѣ и спросимъ себя, почему проложныя статьи сокращены именно изъ сказанія Іакова Черноризца, а не Нестора, то отвѣтъ можетъ быть двоякій: или потому, что сказаніе Іакова пользовалось въ письменности, какъ извѣстно, болѣею популярностью, чѣмъ сказаніе Нестора, или—что проложное сокращеніе послѣдовало раньше появленія въ свѣтъ творенія послѣдняго. И тотъ и другой отвѣты возбуждаютъ въ свою очередь новые вопросы: во 1-хъ) почему сочиненіе Іакова пользовалось болѣею извѣстностью сравнительно съ сказаніемъ того Нестора, популярность имени котораго выше всякаго сомнѣнія? во 2-хъ) могло-ли сочиненіе Іакова явиться въ свѣтъ раньше сочиненія Нестора?—Отвѣты будутъ слѣдующіе.

Сочиненіе Іакова могло приобрѣсти себѣ популярность особенностью своего литературнаго характера сравнительно съ сказаніемъ Нестора. Кромѣ того, оно могло и не встрѣтить конкуренціи въ авторитетѣ популярнаго имени Нестора, если въ силу нѣкоторыхъ соображеній допустить, что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, извѣстное подъ заглавіемъ: „Чтеніе о житіи и о погубленіи святыхъ страсто-терпцевъ Бориса и Глѣба“, не принадлежитъ знаменитому Нестору лѣтописцу.

Первое предположеніе весьма вѣроятно.—Собственно литературное достоинство сочиненія Нестора нисколько не уступаетъ достоинству сказанія Іакова: и въ томъ и въ другомъ мы находимъ одинаковую послѣдовательность и стройность разсказа, одинаковое распространеніе его рѣчами дѣйствующихъ лицъ, текстами изъ Священнаго Писанія и указаніями на житія святыхъ. Но въ сказаніи Іакова замѣчается болѣе одушевленіе въ обрисовкѣ нравственнаго характера св. братьевъ. Авторъ влагаетъ много искренняго чувства въ рѣчи мучениковъ, стараясь какъ можно ощутительнѣе показать ихъ горѣсть при извѣстіи о смерти отца, ихъ любовь другъ къ другу, ихъ благочестіе и покорность Бо-

жіей волѣ. Этѣмъ-то поѣтическимъ элементомъ сказаніе Іакова, конечно, могло взять верхъ надъ „ченіемъ о житіи и погубленіи“ даже въ томъ случаѣ, если послѣднее дѣйствительно принадлежало бы Нестору лѣтописцу. Но въ томъ то и дѣло, что принадлежность сказанія Нестору еще весьма сомнительна. Слѣдовательно и второе предположеніе о невѣроятности авторитета Нестора въ дѣло популярности сказанія Іакова можетъ имѣть свою долю вѣроятія. Сомнительность же принадлежности, чтенія о житіи и погубленіи перу Нестора лѣтописца можетъ обнаружиться изъ нижеслѣдующаго разсмотрѣнія вопроса объ авторствѣ отца нашей лѣтописи по отношенію къ первому сказанію Силеостровскаго сборника о Борисѣ и Глѣбѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что вопросъ этотъ имѣетъ уже свою исторію. П. Казанскій и Кубаревъ первые указали на нѣкоторыя сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ⁽¹⁾, Бутковъ взялъ на себя трудъ разсмотрѣть ихъ и опровергнуть⁽²⁾. Преосв. Макарій рѣшительно считаетъ сказаніе принадлежащимъ Нестору лѣтописцу⁽³⁾, такъ же точно и И. И. Срезневскій⁽⁴⁾. Билярскій снова, изъ нѣкоторыхъ филологическихъ выводовъ, дѣлаетъ заключеніе о сомнительности авторства лѣтописца относительно приписываемаго ему сказанія⁽⁵⁾. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ болѣе не поднимался и въ систематическихъ обработкахъ русской словесности принятъ въ положительномъ смыслѣ⁽⁶⁾.

Принадлежность Нестору лѣтописцу того сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, которое называется чтеніемъ о житіи и погубленіи, доказывается слѣдующей припиской въ концѣ этого сказанія: „Се же азъ Нестеръ грѣшныи. о житии и о погубленіи и о чудесѣхъ святою и блаженною стратотерпцю

(1) Отеч. Зап. Янв. 1851 г. т. 74. Смѣсь, стр. 99. Статья Кубарева въ русск. истор. сбор. 1840, т. IV. кн. 4.

(2) Соврем. 1852 г. т. 32. Разборъ трехъ древ. пам. русск. духов. литературы.

(3) См. Истор. Р. церкви, т. 2 стр. 123.

(4) См. предисловіе къ сказ. о Бор. и Глѣбѣ.

(5) Зап. Ак. наукъ. т. 2. стр. 109. Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ.

(6) См. Исторію русск. литер. Галахова, О. Миллера, Порфирьева.

сею. опаснѣ ведущихъ исписавы. а другая самъ свѣды. отъ многихъ мала въписахъ, да почитающе славятъ Бога (¹)“. А въ житіи Θεодосія (²), въ самомъ его началѣ, Несторъ замѣчаетъ: „Се бо и сперва писавшу ми о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ святую блаженную страсотерпицю Бориса и Глѣба (³). (Обратите вниманіе на сходство выраженій). Кажется дѣло весьма ясно, если судить по внѣшнимъ доказательствамъ. Но внутреннія доказательства до сихъ поръ еще встрѣчаютъ нѣкоторыя препятствія. По стройности разсказа, по начитанности автора, наконецъ по видимой нравственно—политической мысли, положенной въ основу сказанія, конечно нѣтъ причинъ считать автора чтенія о житіи не Несторомъ лѣтописцемъ: напротивъ, это все говоритъ скорѣе въ пользу признанія авторства послѣдняго. Но вотъ какія соображенія говорятъ противъ его авторства.

Начнемъ сравнивать между собою оба сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изданныя по Сильвестровскому сборнику XIV вѣка, то, которое приписываютъ Нестору, и которое относятъ, съ достаточнымъ основаніемъ, къ Іакову Черноризцу. Для этого прежде познакоимся ближе съ составомъ того и другаго.—Сказаніе Нестора состоитъ изъ двухъ частей: повѣсти о житіи и убіеніи мучениковъ и повѣсти о чудесахъ ихъ, бывшихъ во 1-хъ) послѣ открытія мощей святыхъ братьевъ (1020 г.), а 2-хъ) и послѣ первого черенесенія

(¹) Сказ. о Бор. и Глѣбѣ, изд. Срезневск. стр. 40.

(²) Если для подтвержденія приписки сказанія мы беремъ свидѣтельство житія Θεодосія, слѣдовательно должны считать это послѣднее безспорно принадлежащимъ Нестору лѣтописцу. Между тѣмъ относительно и этого произведенія можно выставить много фактовъ, свидѣтельствующихъ о противномъ. Здѣсь не мѣсто входить въ изслѣдованіе совершенно особаго вопроса о принадлежанности житія Θεодосія Нестору, вопроса, тоже имѣющаго свою литературу; замѣтимъ только, что принадлежанность этого житія нашему лѣтописцу, если и встрѣчаетъ нѣкоторыя препятствія къ своему утвержденію, то все-таки можетъ дать достаточную опору въ томъ предположеніи, что Несторъ, написавъ житіе раньше, въ лѣтописи поправляеть невѣрныя указанія перваго сочиненія. Разногласіе же въ показаніи времени прихода Нестора въ монастырь Θεодосія по лѣтописи и по житію мы считаемъ вполне отстраннимымъ объясненіемъ Буткова (Совр. 1851, т. 32. стр. 104).

(³) Памятники XII и XIII вѣковъ, изд. Яковлевымъ, стр. 1.

ихъ при в. к. Изяславѣ (1072 г.). Второе сказаніе, извѣстное въ нашей письменности въ многочисленныхъ спискахъ и разныхъ редакціяхъ, которыя преосв. Макарій опредѣляетъ въ три фамиліи, въ Сильвестровскомъ сборникѣ принадлежитъ къ редакціи третьей фамиліи, самой обширной, состоящей, во 1-хъ) изъ повѣсти о жизни и убіеніи мучениковъ, заключающейся извѣстіемъ о погребеніи св. Глѣба вмѣстѣ съ Борисомъ въ Вышегородѣ и общео имъ похвалою, во 2-хъ) изъ разсказа о трехъ первыхъ чудесахъ мучениковъ, въ 3-хъ) изъ разсказа о чудесахъ, связанныхъ съ исторіей перваго перенесенія мощей мучениковъ, съ присоединеніемъ разсказа и о второмъ перенесеніи при в. к. Владимірѣ Мономахѣ (въ 1115 г.). Это сказаніе съ полнымъ основаніемъ обыкновенно приписывается тому Іакову презвитеру, котораго Θεодосій предлагалъ послѣ себя въ игумены братіи кіево-печерскаго монастыря, но котораго братія, однако, отвергла, потому что онъ былъ постриженникомъ другаго монастыря. Но изъ сказанія въ редакціи третьей фамиліи преосв. Макарій совершенно основательно приписываетъ Іакову Черноризцу только его первыя двѣ части, т. е. повѣсть о житіи и убіеніи и разсказъ о трехъ первыхъ чудесахъ мучениковъ⁽¹⁾. Въ цѣломъ же видѣ это сказаніе есть, очевидно, компиляція. Напротивъ, первое сказаніе Сильвестровскаго сборника все принадлежитъ перу одного и того же автора. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній. Въ концѣ первой части послѣдняго сказанія, т. е. въ концѣ повѣсти о житіи и убіеніи, мы находимъ слѣдующія слова: „Се же списахъ азъ грѣшныи о житии и о погублении святую блаженную страсотерпицу Бориса и Глѣба. нѣ аще Богу велящю, то и чюдесъ ею нѣчто мало исповѣмъ на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иусу Христу. съ нимъ же отцю и съ пресвятымъ Духомъ и ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ. аминь“⁽²⁾. Очевидно эти слова служатъ связующимъ звѣномъ между первой и второй частью „чтенія“. Однако беря во вниманіе, во 1-хъ) тотъ фактъ, что сказаніе Іакова явилось же въ сборникѣ уже подъ видомъ довольно распространенной компиляціи, а во 2-хъ) что вторая часть

(1) Ист. р. церкви, т. 2, стр. 412.

(2) Сказ. о Бор. и Глѣбѣ, стр.

сказанія Нестора по виду есть какъ бы отдѣльное сочиненіе, начинающееся особымъ вступленіемъ, можно думать, что и первое сказаніе Сильвестровскаго сборника въ цѣломъ объемѣ есть тоже плодъ компилятивной работы, подобно сказанію Іакова. Можно думать, что приписка послѣ первой части этого сказанія принадлежитъ не Нестору, а компилятору, который, списавъ чью-то повѣсть о жизни и убіеніи мучениковъ, сдѣлалъ добавленіе, что если Богу угодно, то онъ скажетъ мало нѣчто и о чудесахъ св. братьевъ. Другая статья дала ему возможность сказать и о чудесахъ ихъ; статья оказалась, судя по припискѣ въ ея концѣ, сочиненіемъ какого-то Нестора, чего компилятору скрывать не было особенной надобности. Такимъ образомъ составилась сводная статья изъ двухъ разныхъ сочиненій. Послѣдующіе переписчики этой сводной статьи весьма естественно вообразили себѣ, что она вся принадлежитъ одному и тому же автору, а потому и вставили во вторую приписку слова „о житіи и о погубленіи“, тогда какъ первоначально въ ней читалось: „Се же азъ Нестеръ грѣшныи о чудесѣхъ святою и блаженною и т. д.“—Такъ можно было бы обойти свидѣтельство приписокъ объ авторскомъ единствѣ обѣихъ частей перваго сказанія, еслибы при внѣшней отдѣльности той и другой части нельзя было найти между ними никакого внутренняго единства. Но въ томъ-то и дѣло, что это единство существуетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Оно доказывается тѣмъ фактомъ, что во 2-ой части сказанія находится явная ссылка на первую часть сочиненія. Говоря о св. мученикахъ, какъ примѣръ уваженія и покорности праву старшаго и укоряя своихъ современниковъ именно въ обратныхъ добродѣтеляхъ, Несторъ спрашиваетъ: Но вы вѣдь слышали: когда пришли посланные на погубленіе мучениковъ, что они сказали своимъ приближеннымъ? Когда-тѣ хотѣли сопротивляться пришедшимъ, не только просили не дѣлать этого, но и велѣли идти домой“. Дѣйствительно, въ первой части сказанія Борисъ, на предложеніе своихъ людей идти въ Кіевъ и завладѣть съ ихъ помощью великимъ княженіемъ, отвѣчаетъ: Нѣтъ, мои братья, этимъ вы только прогнѣваете господина моего брата и заставите его поднять на васъ крамолу. Лучше ужъ мнѣ одному умереть, чѣмъ погубить столько душъ. Не смѣю противиться старшему брату: развѣ можно избѣжать суда Божія. Молю васъ, братья

мои и отцы, идите въ свои дома, я же пойду пасть въ ноги брата моего и т. д. Точно также и Глѣбъ упрасиваетъ своихъ приближенныхъ не сопротивляться посланнымъ отъ Святополка: „Нѣ молю вы братіе моя. не противитесь имъ, нѣ къ берегу приступите“. Въ сказаніи Іакова о несопротивленіи братьевъ замѣчено гораздо короче и при томъ совершенно иначе. Слѣдовательно, обращаясь къ современникамъ съ вышеуказанными словами, Несторъ предполагаетъ для нихъ извѣстною именно первую часть своего сказанія. А это могло быть только въ томъ случаѣ, если повѣсть о чудесахъ предлагалась тотчасъ вслѣдъ за повѣстью о жизни и убіеніи св. мучениковъ.—Такимъ образомъ все, и свидѣтельство приписокъ, и внутренняя связь между обѣими частями сказанія заставляютъ считать его сочиненіемъ одного автора.

Обращаясь теперь къ предложенному сравненію обоихъ сказаній сильвестровскаго сборника, мы совершенно соглашаемся съ преосв. Макаріемъ, что повѣсти о жизни и убіеніи мученикомъ въ томъ и другомъ сочиненіи вполнѣ независимы другъ отъ друга. Изложеніе разсказа, нѣкоторыя его подробности, рѣчи св. братьевъ, вставки изъ священныхъ книгъ, наконецъ передача нѣкоторыхъ крупныхъ фактовъ— все это ни у Нестора ни у Іакова не имѣетъ ничего общаго. Между тѣмъ дальнѣйшія части сочиненій оказываютъ уже нѣкоторыя признаки взаимности: такъ съ полной вѣроятностію догадываются, что разсказъ о трехъ первыхъ чудесахъ въ сказаніи Нестора взятъ изъ сочиненія Іакова, тогда какъ разсказъ о первомъ пересеніи мощей съ послѣдующими чудесами, наоборотъ, въ сказаніе Іакова пересенъ изъ сочиненія Нестора, потому что объ этихъ чудесахъ Несторъ говоритъ какъ современникъ и очевидецъ. Но, какъ замѣчено выше, Іакову принадлежитъ въ сказаніи сильвестровскаго сборника только то, что идетъ до этого разсказа; слѣдовательно, опредѣляя отношеніе сочиненія Нестора только къ сочиненію Іакова, мы находимъ, что точки соприкосновенія между ними обнаруживаются лишь въ предполагаемомъ заимствованіи Несторомъ у Іакова описанія трехъ первыхъ чудесъ мучениковъ. Повѣсти о жизни и убіеніи остаются внѣ всякаго подобнаго предположенія.—Не странно-ли теперь, что Несторъ пользуется сочиненіемъ Іакова въ столь малой степени, не распространяя своего заимствованія на все

свое сочиненіе о св. братьяхъ? Предположимъ однако, что Несторъ не дѣлалъ никакого заимствованія у Іакова, что все его сочиненіе не имѣетъ никакого отношенія къ сочиненію послѣдняго. Это могло быть на томъ основаніи, что онъ не зналъ его. Но Несторъ и Іаковъ были не только современниками, но и жили подъ одной кровлей кіево-печерскаго монастыря. Обратимъ вниманіе, кромѣ того, что Іаковъ былъ гораздо старше Нестора, потому что Θεодосій предлагалъ его послѣ себя въ то время, когда семнадцатилѣтній Несторъ только что пришелъ въ кіево-печерскій монастырь⁽¹⁾. Уже одно это обстоятельство заставляетъ предполагать, что сказаніе Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ было написано раньше сочиненія Нестора. Но въ сказаніи Іакова; въ самомъ его началѣ, мы находимъ прямое свидѣтельство, что оно

(1) Выше было замѣчено нами, что мы согласны съ объясненіемъ Буткова относительно разногласія въ показаніяхъ лѣтописи и житія Θεодосія о времени прихода Нестора въ монастырь. Но по соображеніямъ Буткова выходитъ, что Несторъ пришелъ въ монастырь въ 1074 году. Мы думаемъ, что вѣрнѣе считать годомъ прихода Нестора годъ смерти Θεодосія, т. е. 1074 г. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣаетъ представить себѣ, что Несторъ, придя въ монастырь, не прямо приступилъ къ несенію искуса, а съ позволенія Θεодосія жилъ въ немъ сначала какъ гость, безъ всякаго отношенія къ братскому составу обители. Этотъ то приходъ въ монастырь при Θεодосіи и означилъ Несторъ въ своей лѣтописи: «къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего.» Но понятно, что такое гощеніе въ обители не могло продолжаться, напр., цѣлыхъ три года: Несторъ гораздо раньше долженъ былъ или начать искусъ или уйти изъ монастыря. Такому гощенію можно дать мѣсяца два, не больше, Несторъ, вѣроятно, уже собирався начать искусъ съ благословенія Θεодосія, какъ преподобный умеръ. Начать искусъ ему привелось, такъ образомъ, съ благословенія слѣдующаго игумена, Стефана. Съ этого-то времени Несторъ и могъ считать свое дѣйствительное вступленіе въ монастырь, что означаютъ его слова въ житіи Θεодосія: «пріять же быхъ вѣонъ преподоб. игуменомъ Стефаномъ.» Тѣмъ предположеніемъ, что Несторъ слишкомъ мало жилъ въ монастырѣ при Θεодосіи, вполне объясняется и его характеръ изложенія житія Θεодосія, гдѣ онъ никогда не говоритъ объ обстоятельствахъ монашеской жизни преподобнаго какъ очевидецъ. Что же касается до того, что въ лѣтописи Несторъ называетъ себя ученикомъ Θεодосія, то этимъ именемъ могли называть себя всѣ иноки кіево-печерск. монастыря, учащіеся подражать подвижничеству своего святаго игумена.

написано не долго спустя послѣ смерти Владиміра ⁽¹⁾, слѣдовательно гораздо раньше даже возможности авторства со стороны Нестора. Принявъ во вниманіе подобныя обстоятельства, можно ли спрашивается, вообразить себѣ, чтобы Несторъ не зналъ сказанія Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ? Не вѣрнѣе ли будетъ признать, что, живя съ Іаковымъ въ одномъ монастырѣ, любознательный книжникъ Несторъ непремѣнно долженъ былъ знать его сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, котораго Іакову, конечно, не было никакой надобности скрывать отъ братіи.—Можно думать, что Несторъ былъ недоволенъ сочиненіемъ Іакова, когда захотѣлъ написать новое сочиненіе о житіи и погубленіи святыхъ страстотерпцевъ. Наконецъ, онъ могъ имѣть особыя побужденія къ самостоятельной работѣ надъ предметомъ, описаннымъ уже съ величайшею подробностью.—Что Несторъ не могъ имѣть вообще предубѣжденія противъ сказанія Іакова, это видно изъ того, что онъ воспользовался имъ для своей лѣтописи. Но что онъ могъ имѣть особыя побужденія къ сочиненію новаго сказанія о св. мученикахъ, это весьма вѣроятно. Мы думаемъ, что однимъ изъ такихъ побужденій было стремленіе Нестора представить исторію святыхъ братьевъ въ преимущественномъ освѣщеніи тѣхъ качествъ ихъ нравственнаго образа, какія не были съ должною подробностью описаны сочиненіемъ Іакова. Исторія св. братьевъ, произведя вообще глубокое впечатлѣніе на душу русскаго народа, для отдѣльныхъ личностей могла возбудить особенную симпатію какой нибудь одной стороною своего нравственнаго содержанія. Такъ нельзя не замѣтить, что сказаніе Іакова написано подъ преобладающимъ вліяніемъ въ высшей степени возбужденнаго чувства симпатіи къ невиннымъ жертвамъ убійства, негодованія и отвращенія къ жестокому убійцѣ, того чувства, которое, естественно, прежде всего заговорило въ душѣ народа тотчасъ послѣ злодѣянія Сватопола. Вотъ почему въ этомъ сочиненіи мы встрѣчаемъ такія жесткія выраженія о послѣднемъ князѣ и такую яркую,

⁽¹⁾ Снѣе оубо бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ сущю самодержцю Рускыя земли Володимѣру.—Не понимаетъ, что хотѣлъ оказать Бутковъ, утверждая, что слова эти относятся скорѣе къ наложеннымъ въ статью событіямъ, чѣмъ къ сочинителю. Совр. 1851 г. т. 23. стр. 90.

симпатичную обрисовку характера святых мучеников: нѣжность, любовь, благочестіе... Вотъ почему въ этомъ сочиненіи и замѣченъ только вскользь политическій урокъ исторіи св. братьевъ,—ихъ отказъ идти въ Кіевъ и завладѣть великимъ княженіемъ. Іакову не для кого было особенно выставлять этотъ урокъ, да и вниманіе его все было поглощено лишь нравственными качествами св. братьевъ. Но Несторъ жилъ въ другое время, когда смута младшихъ князей противъ старшихъ начала разрастаться все болѣе и болѣе, когда на урокъ, данный св. страстотерпцами, было очень встать обратитъ вниманіе общества. И дѣйствительно, въ его сказаніи исторія отказа св. братьевъ отъ кіевского княженія и ихъ покорность праву старшаго брата описаны съ особенною подробностью, какъ сравнительно съ другими фактами повѣствованія, такъ и съ сказаніемъ Іакова. Стоитъ только прочесть его сказаніе, чтобы убѣдиться въ этомъ.— Вторымъ побужденіемъ—заняться изложеніемъ извѣстной уже исторіи о св. братьяхъ—могло явиться для Нестора слѣдующее обстоятельство. Послѣ перваго перенесенія мощей св. мучениковъ, бывшаго въ 1072 г. при в. к. Изяславѣ, началось много новыхъ чудесъ угодниковъ Божьихъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ чудесъ Несторъ слышалъ прямо отъ самихъ получившихъ исцѣленіе, какъ это видно изъ его разсказа о нихъ. Конечно, повѣдать міру объ этихъ, еще неописанныхъ, чудесахъ было самымъ естественнымъ желаніемъ благочестиваго книжника. Но описывая чудеса мучениковъ, какъ было не описать исторію ихъ жизни и убіенія, особенно когда эта исторія могла сообщить полезное для современниковъ наставленіе?—Разсказавъ достаточное количество чудесъ юныхъ-князей-мучениковъ, Несторъ приглашаетъ своихъ соотечественниковъ подумать о томъ, за что Богъ даровалъ Борису и Глѣбу даръ чудотвореній. Не за то ли, что они были убиты Святополкомъ? Но, говоритъ Несторъ, многіе нынѣшніе „дѣтскы князи“, не покаяющіеся старѣйшимъ и супротивающіеся имъ, убиваются, однако сподоблены ли они такой благодати, какъ святые братья? Нѣтъ, не за раннюю смерть сподоблены Борисъ и Глѣбъ благодати чудотвореній, а за то свое качество, что будучи въ великой чести и славѣ (у войска), имѣли такую удивительную покорность, во имя которой не задумались и смерти предаться. Не того же ли отца были они дѣти, какъ и

Святополкъ, не имѣли ли они при себѣ воиновъ, однако, ради покорности своей старшему брату, непротивились ему. Когда пришли посланные для ихъ убійства, они не только запретили бывшимъ съ ними сопротивляться имъ, но и велѣли имъ идти домой⁽¹⁾.—Такой-то, очевидно личный, обусловленный современными обстоятельствами, взглядъ на нравственное значеніе исторіи о св. братьяхъ и могъ быть достаточною причиной, что подъ перомъ Нестора повѣсть о ихъ житіи и убіеніи явилась въ полной независимости отъ сочиненія Іакова Черноризца. Преслѣдуя свою цѣль—выставить съ особенною яркостью нравственно-политическій смыслъ исторію св. братьевъ—Несторъ не считалъ, можетъ быть, нужнымъ повторять въ своей повѣсти всѣ тѣ подробности, какія мы находимъ въ сказаніи Іакова, а ограничившись главнѣйшими, сосредоточилъ все вниманіе на описаніи того факта, который былъ носителемъ этого смысла. Отсюда и вышло, что касательно подробностей, напр., смерти Владимира и убійства св. Бориса сочиненіе Іакова гораздо полнѣе повѣсти Нестора. Понятно, что этого не могло бы быть, если бы Несторъ писалъ свою повѣсть съ единственною цѣлью просто посвятить свое перо описанію жизни и чудесъ св. мучениковъ. Тогда обиліе подробностей мы должны были бы найти не у Іакова, а въ повѣсти Нестора, какъ позднѣйшей по происхожденію. Но не имѣя нужды излагать въ сказаніи много подробностей, Несторъ понималъ, что это необходимо въ лѣтописи, а потому при лѣтописномъ изложеніи повѣсти объ убіеніи св. братьевъ и воспользовался сочиненіемъ Іакова, какъ самымъ подробнымъ и достовернымъ рассказомъ о смерти Бориса и Глѣба.

И такъ вопросъ о томъ, какое побужденіе принудило Нестора заняться описаніемъ событія, о которомъ въ письменности имѣлось уже превосходное, безъизвѣстное ему, сочиненіе, объясненъ, полагаемъ, довольно опредѣленно. При этомъ, какъ мы видимъ, достаточно объясняется и то обстоятельство, почему сказаніе Нестора не имѣетъ никакого отношенія къ сказанію Іакова, иначе говоря, почему Несторъ не воспользовался этимъ послѣднимъ для своего отдѣльнаго сочиненія о св. братьяхъ, подобно тому, какъ это имѣ

⁽¹⁾ Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 38.

сдѣлано для лѣтописи. Къ сожалѣнію, въ объясненіи этого обстоятельства мы должны себя поправить. Оно не объясняется, а „объяснялось бы“, если бы различіе между содержаніями сказаній Нестора и Іакова заключалось лишь въ количествѣ подробностей. Но въ томъ-то и бѣда, что самостоятельность повѣстей Іакова и Нестора простирается не только на число подробностей, но и на разности въ передачѣ фактовъ. Такъ повѣсть Нестора говоритъ, что Борису отецъ далъ область Владимірскую, что Глѣбъ, предвидя намѣреніе Святополка, бѣжалъ по смерти отца въ полочныя страны, тогда какъ у Іакова и въ лѣтописи показывается, что Борисъ получилъ область Ростовскую, а не Владимірскую, что Глѣбъ получилъ извѣстіе о смерти отца и о замыслѣ брата отъ сестры Предславы на дорогѣ изъ Мурома въ Кіевъ, куда ѣхалъ по приглашенію Святополка. Очевидно, какую бы самостоятельную мысль Несторъ не преслѣдовалъ, ему не для чего было искажать извѣстные ему по сочиненію Іакова историческіе факты, которымъ онъ самъ вѣрилъ. Преосв. Макарій это разногласіе показаній отдѣльнаго Слова Нестора съ извѣстіями сочиненія Іакова и лѣтописи объясняетъ тѣмъ, что сочиненіе свое о св. братьяхъ нашъ лѣтописецъ написалъ въ молодыхъ годахъ, когда еще недостаточно былъ богатъ историческими свѣдѣніями⁽¹⁾. Но если Несторъ вѣрилъ Іакову позднѣе, при сочиненіи лѣтописи, то молодыя лѣта, конечно, не были препятствіемъ, чтобы онъ не вѣрилъ ему раньше, когда писалъ свою повѣсть о св. братьяхъ; а знать сочиненіе Іакова Несторъ долженъ былъ, какъ мы видели, въ очень молодыхъ лѣтахъ. Да и при томъ предположеніе, въ молодыхъ ли лѣтахъ Несторъ писалъ свое сказаніе, еще очень сомнительно, потому что этого ничуть не видно изъ самаго сочиненія, которое, какъ мы уже сказали, обнаруживая вовсе не новичья въ литературномъ дѣлѣ, показываетъ кромѣ того обширную начитанность автора.

Можно предложить слѣдующія предположенія для устранинія вопроса о противорѣчіяхъ самому себѣ Нестора. Во 1-хъ) заимствованіе изъ сказанія Іакова внесено въ лѣтопись не Несторомъ, въ 2-хъ) приведенные выше факты сказанія заключающіе въ себѣ только кажущееся противорѣчіе съ

(¹) Ист. р. ц. т. 2. 125.

лѣтописью, въ 3-хъ, наконецъ, сказаніе свое о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ написалъ послѣ того, какъ занесъ въ свою лѣтопись повѣсть объ убіеніи св. мучениковъ, изложивъ ее по сказанію Іакова. Посмотримъ, основательны ли всѣ эти предположенія.

Что лѣтописная повѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба внесена во Временникъ не Несторомъ, это предположеніе принадлежитъ Буткову. „Можно полагать, говорить онъ, что въ потерянномъ подлинникѣ Несторова Временника сказано было одинаково съ Словомъ; но переписчиками замѣнено повѣстію инока Іакова, которая имъ болѣе правилась и съ которою они поступали произвольно, какъ это видно изъ сличенія Лаврентьевской лѣтописи съ Новгородскою, Воскресенскою, Софійскою и съ Лѣтописцемъ переяславля Суздальскаго и съ Софійскимъ Временникомъ⁽¹⁾“. Но вотъ это-то обстоятельство, т. е. что во всѣхъ редакціяхъ нашей древней лѣтописи мы встрѣчаемъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ всегда заимствованною изъ сказанія Іакова, и служитъ явнымъ доказательствомъ въ пользу самаго первоначальнаго заимствованія этой повѣсти. Иначе страннымъ является такое удивительное согласіе всѣхъ редакторовъ нашихъ лѣтописей; будто по заранѣе составленному заговору они условились выкинуть изъ Временника, безъ всякаго уваженія къ авторитету Нестора, его повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ и замѣнить ее сказаніемъ Черноризца Іакова. Согласіе всѣхъ изводовъ нашихъ лѣтописей въ начальномъ текстѣ до XII вѣка еще Погодину дало возможность утверждать, что „лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ“⁽²⁾. Предположеніе Буткова не оказало никакого вліянія на послѣдующія работы по лѣтописи. Такъ М. И. Сухомлиновъ остался при мнѣніи, что Несторъ составилъ свой лѣтописный рассказъ о Борисѣ и Глѣбѣ по сочиненію Іакова⁽³⁾.

Быть можетъ не удачнѣе ли будетъ то предположеніе, что противорѣчіе между сказаніемъ Нестора и лѣтописными

⁽¹⁾ Совр. 1852 г. т. 32. отд. II, стр. 97.

⁽²⁾ Лекціи по Русск. ист. т. I. стр. 80.

⁽³⁾ О лѣтоп. какъ памят. литер. Уч. Зап. 2 отд. кн. 3.

Ученныя Зап. Имп. Каз. Унив. 1875 г.

показаніями, взятими у Іакова, есть только кажущееся, т. е. что Несторъ нисколько не противорѣчилъ себѣ, когда иначе выразился о нѣкоторыхъ фактахъ въ своемъ чтеніи о житіи и о погубленіи? Но это предположеніе опять, какъ увидимъ, не особенно удачно. Положимъ, вмѣстѣ съ Бутковымъ, что разногласіе между показаніями отдѣльнаго Слова Нестора и его лѣтописью относительно назначенія удѣла Борису можетъ быть устранено тѣмъ обстоятельствомъ, что Борисъ сначала получилъ, тотчасъ послѣ своей женитьбы, область Владимірскую, какъ это говорится въ Словѣ, а когда умеръ Вышеславъ новгородскій, то отецъ посадилъ его въ Ростовъ на мѣсто Ярослава, переведеннаго въ Новгородъ, что мы читаемъ въ лѣтописи. Итакъ Борисъ могъ княжить и во Владимірѣ и въ Ростовѣ: лѣтопись въ этомъ случаѣ только дополняетъ сказаніе и сказаніе лѣтописи. Но разногласіе относительно втораго факта, т. е. мѣстопребыванія Глѣба во время смерти Владиміра, не можетъ дать никакого предлога къ своему устранинню. Въ самомъ дѣлѣ, выбирайте что нибудь одно: или Глѣбъ былъ въ Кіевѣ во время смерти Владиміра, послѣ которой, узнавъ о замислахъ Святополка, побѣжалъ на судахъ въ полунощныя страны, т. е. вверхъ по Днѣпру, затѣмъ былъ постигнутъ посланными отъ Святополка близъ Смоленска и убитъ на своемъ кораблѣ (сказаніе Нестора); или Глѣбъ былъ въ Муромѣ, когда умеръ Владиміръ; получивъ же отъ Святополка извѣстіе о болѣзни отца, поспѣшилъ въ Кіевъ, но у Смоленска встрѣтилъ клевретовъ Святополка и былъ убитъ ими (Іаковъ и лѣтопись). Никакого соглашенія между этими двумя разнорѣчивыми показаніями быть не можетъ. Замѣтимъ, кромѣ того, что оба эти показанія ни въ Словѣ Нестора, ни въ лѣтописи съ сказаніемъ Іакова нисколько не стоятъ въ противорѣчій съ остальными подробностями разсказа, которыя бы могли изобличить ихъ неумѣстность. Такъ показаніе лѣтописи и Іакова о пребываніи Глѣба во время смерти отца въ Муромѣ объясняется другимъ извѣстіемъ тѣхъ же памятниковъ, что когда Борисъ получилъ Ростовъ, то Глѣбу былъ данъ Муромъ. Въ свою очередь пребываніе Глѣба въ Кіевѣ объясняется по сказанію Нестора тѣмъ, что назначивъ Борису Владимірскую область, Глѣба Владиміръ „оу себе бстави. единаче бо бѣ оунъ тѣломъ“. Такимъ образомъ, сказаніе Нестора потому и назначаетъ для Глѣба мѣстопребываніемъ

Кіевъ, во время смерти Владиміра, что ничего не знаетъ о надѣленіи его удѣломъ; очевидно оно считаетъ его постоянно жившимъ при Владимірѣ. Но чтобы объяснить фактъ убійства Глѣба при Смоленскѣ, оно и говоритъ намъ о бѣгствѣ Глѣба въ полуночныя страны. Итакъ не кажущееся только, а дѣйствительное противорѣчіе заключается въ показаніи фактовъ нашими памятниками. Несторъ, довѣряя Іакову относительно назначенія Глѣбу Муромъ и его мѣсто-пробыванія въ этомъ городѣ въ эпоху смерти Владиміра, является самъ себѣ противорѣчащимъ, совершенно иначе передавая въ отдѣльномъ Словѣ обстоятельства убійства св. Глѣба.—Теперь, чтобы избавиться отъ видимаго противорѣчія, остается предположить, что Слово Нестора составлено позднѣе лѣтописнаго сказанія о смерти св. братьевъ и что слѣдуя въ лѣтописи Іакову, въ Словѣ Несторъ измѣняетъ свое мнѣніе о фактѣ убійства Глѣба, найдя для него болѣе достовѣрныя данныя. Но во 1-хъ) что мѣшало Нестору исправить свою лѣтопись согласно съ добытыми имъ болѣе достовѣрными данными, а во 2-хъ) дѣйствительно-ли эти данныя болѣе достовѣрны? Соображенія Буткова, направленные къ доказательству большей достовѣрности данныхъ именно Слова Нестора, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательны. Бутковъ думаетъ, что разсказъ Іакова о посольствѣ Святополка къ Глѣбу въ Муромъ и о слѣдующемъ за тѣмъ убійствѣ его близъ Смоленска заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Какъ могли, спрашиваетъ онъ, пройти посланные отъ Святополка въ какихъ нибудь три или четыре дня разстояніе отъ Кіева до Смоленска, заключающее въ себѣ около 650 верстъ, когда плаваніе на лодкахъ отъ Кременчуга вверхъ по Днѣпру до Могилева, на разстояніи 655 верстъ, продолжается отъ 42 до 67 дней? Но такое короткое время для путешествія убійцъ Святополка выходитъ у него отъ того, что онъ отправляетъ ихъ изъ Кіева не иначе, какъ послѣ полученія Святоподкомъ извѣстія, что Глѣбъ ѣдетъ верхомъ на Смоленскъ. Гонецъ же, посланный послѣ убійства Бориса (24 іюля) къ Глѣбу съ приглашеніемъ и на которомъ будто бы лежала обязанность доставить Святополку вѣсть о выѣздѣ Глѣба изъ Муромъ, не иначе, конечно, могъ быть обратно въ Кіевѣ, какъ въ первыхъ числахъ сентября, потому что взадъ и впередъ ему нужно было проѣхать около 2400 верстъ, для чего, полагая при тогдашнихъ

путяхъ сообщенія максимум 60 верстъ въ день, ему необходимо было употребить 40 сутокъ. Не понимаю, для чего воображать, что Святополкъ могъ отправить убійцъ на Глѣба не раньше полученія извѣстія о его выѣздѣ изъ Муромъ. Дорога изъ Кіева въ Муромъ, вѣроятно, была одна, по крайней мѣрѣ кратчайшая или наиболѣе употребительная. Святополку нечего было сомнѣваться, пойдетъ ли Глѣбъ въ Кіевъ, потому что какъ было ему незнать о взаимной любви Владиміра и Бориса и Глѣба? Слѣдовательно, Святополку не для чего было ждать возвращенія гонца въ Кіевъ; все его вниманіе должно было сосредоточиться на томъ, чтобы какъ можно скорѣе захватить Глѣба. Если бы Святополкъ сталъ ждать возвращенія гонца въ Кіевъ, то могъ ли думать, чтобы черезъ полтора мѣсяца Глѣбъ не узналъ объ убійствѣ Бориса и не принялъ мѣръ къ своему спасенію? Очевидно для Святополка необходимо было захватить Глѣба какъ можно скорѣе послѣ смерти Бориса. Отсюда Святополкъ, пославъ гонца съ приглашеніемъ къ Глѣбу, могъ тотчасъ же вслѣдъ за нимъ послать и убійцъ на него, коварно рассчитывая, что они успѣютъ перехватить Глѣба на дорогѣ прежде, чѣмъ онъ узнаетъ о смерти Бориса. Расчетъ Святополка оказался какъ нельзя болѣе вѣренъ: не посылай онъ убійцъ до приѣзда гонца, Глѣбъ, узнавъ о смерти Бориса на половинѣ дороги, конечно успѣшилъ бы скрыться. Но теперь вѣсть о злодѣяннѣ старшаго брата пришла къ Глѣбу слишкомъ поздно, когда онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ убійцами. Итакъ все противорѣчіе, какое открылъ Бутковъ въ разсказѣ Іакова объ убійствѣ Глѣба, создано единственно его предположеніемъ, что Святополкъ долженъ былъ ждать возвращенія гонца изъ Муромъ, чтобы послать убійцъ на Глѣба. Устраните это предположеніе—и дѣло ясно: разсказъ Іакова, а съ нимъ вмѣстѣ и лѣтописи, окажется столь же правдоподобнымъ, какъ и разсказъ въ сказаніи Нестора⁽¹⁾. А если такъ, то очевидно не въ силу неправдоподобности лѣтописнаго разсказа Несторъ измѣнилъ свой взглядъ на обстоятельства убійства св. Глѣба. Быть можетъ въ силу его дознанной невѣрности, какую онъ, ко-

(¹) Есть и еще разногласія Слова съ лѣтописью, выставленные въ статьѣ Казапскаго, но они не такъ важны: для насъ достаточно было обратить вниманіе на одно самое выдающееся противорѣчіе.

нечно, могъ заключать въ себѣ, не смотря на видимую правдоподобность? Въ такомъ случаѣ, повторяемъ прежній вопросъ, отчего Несторъ не измѣнилъ своего лѣтописнаго показанія?

Очевидно какъ не поверните дѣло, но фактъ разногласія лѣтописи съ сказаніемъ Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ является такимъ камнемъ преткновенія, черезъ который перескочить не такъ легко, какъ сказать, что чтеніе о житіи и погубленіи принадлежитъ дѣйствительно Нестору лѣтописцу. Если полагать, что сказаніе Несторъ написалъ раньше лѣтописи, и при томъ въ молодыхъ лѣтахъ, то для насъ остается необъяснимымъ вопросъ, почему сказаніе Іакова, которое онъ долженъ былъ знать, не послужило ему въ этомъ случаѣ такимъ же историческимъ источникомъ, какимъ оно явилось для лѣтописи. Если же, наоборотъ, предположить, что сказаніе написано послѣ внесенія въ лѣтопись повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, и что въ немъ онъ поправляетъ свой прежній взглядъ на эту исторію, то не необычайно странно, отчего прежде окончательнаго завершенія лѣтописи Несторъ не измѣнилъ ея показаній согласно съ болѣе вѣрными свѣдѣніями. Это-что-то мало идетъ къ тому Нестору, который еще отъ Шлецера получилъ вполнѣ заслуженный титулъ добросовѣстнаго...—Въ соотвѣтствіе ко всѣмъ этимъ соображеніямъ не лишне будетъ упомянуть и о томъ обстоятельстве, что въ 1862 году Билярскимъ былъ предпринятъ опытъ лексическаго разбора языка сказанія Нестора сравнительно съ языкомъ его лѣтописи, опытъ, заставившій автора усомниться въ принадлежности обоихъ памятниковъ одному и тому же писателю.

И такъ кажется безъ всякаго опасенія можно сказать, что вопросъ о принадлежности Нестору лѣтописцу чтенія о житіи и погубленіи есть вопросъ еще спорный и говорить о немъ въ положительномъ смыслѣ едва-ли не значитъ быть въ заблужденіи. Болѣе подробное изслѣдованіе, быть можетъ, дало бы и другой выводъ, но нельзя не пожалѣть, что сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ до сихъ поръ не обращаютъ на себя должнаго вниманія науки. Между тѣмъ эти сказанія принадлежатъ къ однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ литературы древнѣйшаго періода. Поэтический колоритъ того сказанія, которое приписывается Іакову Черноризцу, не подлежитъ сомнѣнію: онъ виденъ и въ

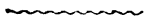
идеализаціи св. братьевъ и въ томъ искреннемъ чувствѣ, которое вложено въ ихъ рѣчи. Если же исторія св. братьевъ сдѣлалась въ этомъ произведеніи предметомъ поэтическаго одушевленія, то оно, безспорно, получаетъ полное право на вниманіе. Не менѣе важно и то сказаніе, которое совсѣмъ не по праву, какъ мы видели, такъ утвердительно обыкновенно приписываютъ Нестору лѣтописцу. Оно замѣчательно какъ плодъ скорбной нравственно-гражданской мысли, которая заставила автора открыть своимъ современникамъ еще не освѣщенную надлежащимъ образомъ нравственную сторону исторіи св. братьевъ. Это сказаніе есть такимъ образомъ гражданскій протестъ противъ существующей политической неурядицы, протестъ, являющійся въ очевидномъ соотношеніи съ тѣмъ протестомъ, который воодушевилъ изящное и поэтическое перо автора Слова о Полку Игоревѣ.—Нельзя не замѣтить, что если рѣшеніе вопроса объ авторѣ чтенія о житіи и погубленіи важно въ положительномъ смыслѣ, то не менѣе важно и въ отрицательномъ. Въ первомъ случаѣ мы получили бы превосходный добавочный матеріалъ для обрисовки внутренняго облика нашего лѣтописца, во 2-мъ—передъ нами явился бы драгоценный фактъ, расширяющій кругъ образованныхъ людей древней эпохи.

Припоминая теперь тѣ вопросы, на которые натолкнулъ насъ фактъ извлеченія проложныхъ статей именно изъ сказанія Іакова, относительно перваго—почему сказаніе Іакова пользовалось большею популярностью, чѣмъ сказаніе Нестора—во 1-хъ повторяемъ, что оно могло нравиться болѣе послѣдняго своимъ поэтическимъ элементомъ, а во 2-хъ) имѣемъ основаніе думать, что дѣйствительно оно могло и не встрѣтить никакого противодѣйствія въ популярномъ имени Нестора лѣтописца, потому что нѣтъ ничего невѣроятнаго, если въ древней письменности чтеніе о житіи и погубленіи св. братьевъ и не считалось сочиненіемъ отца нашей лѣтописи, а какого нибудь другаго Нестора.

Что касается до втораго вопроса—могло-ли сказаніе Іакова существовать раньше сказанія Нестора—, то онъ рѣшенъ при изслѣдованіи предъидущаго вопроса объ авторствѣ Нестора Лѣтописца. Мы видели, что оно по всѣмъ даннымъ должно было существовать раньше. Поэтому предположеніе о внесеніи проложныхъ статей раньше появленія

сказанія Нестора не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. И это тѣмъ болѣе, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что проложная статья объ убіеніи Глѣба принадлежитъ, вѣроятно, къ древнѣйшимъ проложнымъ статьямъ русскаго характера, потому что во 1-хъ она одна только и встрѣчается въ древнѣйшемъ прологѣ Хлудовской бібліотеки (1262), а во вторыхъ сокращена не по лѣтописному разсказу, но представляетъ самостоятельный экстрактъ (въ обѣихъ редакціяхъ) изъ сочиненія Іакова Черноризца. Между тѣмъ нѣкоторыя другія изъ указанныхъ выше статей, какъ напримѣръ „проявленіе крещенія русской земли“, носятъ на себѣ очевидные признаки заимствованія именно изъ лѣтописи Нестора⁽¹⁾. Если же допустить, что статья объ убіеніи Глѣба внесена въ Прологъ раньше появленія въ свѣтъ сочиненій Нестора, то въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть новое доказательство въ пользу того предположенія, что прологи были у насъ извѣстны съ первыхъ вѣковъ нашего христіанскаго просвѣщенія.

Н. Владиміроскій.

⁽¹⁾ Не входя въ доказательство этого положенія, просимъ вспомнить житіе Востокова въ его Опис. рук. Рум. музея, стр. 455.